

АЛЕКСАНДР КОВАНОВ

**Вижу войну
глазами деда**

Александр Кованов

Вижу войну глазами деда

«Издательские решения»

Кованов А.

Вижу войну глазами деда / А. Кованов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968665-7

Герой этой книги — мой дедушка — Кованов Иван Федулович.
Семнадцатилетний мальчишка с Алтая, прошагавший с боями от Москвы до Крыма, повзрослевший на этой войне и подаривший нам главное право человека — право жить.

ISBN 978-5-44-968665-7

© Кованов А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. «Откуда пошли Ковановы?»	8
Глава 2. «Ванькино детство»	10
Глава 3. «Сулико»	12
Глава 4. «Вставай, страна огромная...»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вижу войну глазами деда

Александр Кованов

*Кованову Ивану Федуловичу —
моему дедушке,
солдату Великой Отечественной
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

© Александр Кованов, 2019

ISBN 978-5-4496-8665-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Главный герой этой книги – Кованов Иван Федулович – мой дедушка. Простой человек, защитник и труженик земли русской. Благодаря которому наша страна более 70 лет живёт без войны.

Дедушка начал записывать свои воспоминания в конце 1984 года. Было видно, что это даётся ему нелегко. Тяжело вспоминать бои и погибших товарищей осознавая то, что ты остался в живых, а другие остались на полях сражений. Многие из них – навечно, в списках пропавших без вести.

Вечерами, усадив всю семью, он читал нам эти воспоминания. Потом погружался в глубокое раздумье. Только сейчас я понимаю, что дедушка был одновременно и с нами, и на той войне, которая не отпускала его.

К сожалению, его блокноты не сохранились. Взявшись за написание этой книги мне пришлось свести воедино то, что хранится в моей памяти с реальными историческими событиями и датами.

Война – это не только грандиозные сражения и сухая статистика дат и географических названий. Победа – это не только праздничный салют и парад на Красной площади. Война – это человеческие жизни и судьбы, перемолотые и окрепшие в страшных испытаниях. Победа – это миллионы страниц в общей истории страны о каждом человеке. О каждом, кто внёс свою лепту в эту Победу и подарил нам главное право человека – право жить

Глава 1. «Откуда пошли Ковановы?»

Сейчас мне уже не у кого спросить: «Откуда пошли Ковановы?» Не у кого... Пять крестов на погосте в Самарке уже ничего не расскажут.

Где-то в Хакасии живут две мои двоюродные сестры. Но связи с ними нет уже лет тридцать. Да и младше они меня. В детском возрасте уехали с родителями из Самарки, поэтому и спроса с них никакого.

Придётся всё вспоминать самому, пока память ещё крепка и не выцвели в ней те заветные странички, которые хочется запечатлеть.

Об истории Ковановых я знаю не так много, как хотелось бы. Приходится опираться только на скудные рассказы прабабушки, собирать крохи тяжёлых воспоминаний, которыми делились дедушка и бабушка.

Предки мои были старообрядцами из Самарской губернии. Помню, как об этом рассказывала моя прабабушка – Анна Игнатьевна:

«Ковановы раньше жили в Самарской губернии. Ни уезда, ни волости не помню. И деревня называлась то ли Кузиха, то ли Пузиха. Как-то так. После отмены крепостного права на старообрядцев-кержаков начались притеснения со стороны церкви и местных жителей. При разделе земли кержакам нарезали земельные паи вдвое меньше, чем другим крестьянам.

Недовольны все были, конечно, но помалкивали да молились о том, кабы и последнее не отняли. Местные им так и говорили: «Отрекайтесь от старой веры, кайтесь в грехах и принимайте веру настоящую. Хотите больше земли? Выкупайте по полной стоимости». Только родители наши крепки были в вере отеческой. Хоть и жили небогато, но от своей веры не отреклись.

А там ещё недород и голод пошли из года в год. То дожди проливные, то засуха, то заморозки в начале лета. Мама моя рассказывала, что в нашей семье троих деток похоронили. И сами еле-еле ноги волочили. Сеяли хлеб, а урожай был с гулькин нос. Глядишь, вроде бы в удачный год в силу семья входит. А потом снова, два-три года – мука смертная.

Вот и порешили главы наших семей – Павел Алексеевич Кованов и Игнат Матвеевич Тришечкин – в Сибирь кочевать. За лучшей долей, стало быть. По весне собрали обоз в шесть телег. А местные да окрестные кержаки как прознали про это дело, так проситься стали вместе с нами. Больше народу пойдёт – безопаснее будет. Как ни крути, а по каторжанским дорогам должен был путь идти. А там всякого люду полно: и беглые, и разбойники, и казахи-озорники. Всяк старался и купца богатого пощипать и у переселенца бедного последнее отнять.

Пока собирались, время теряли. Всё завтра да послезавтра. Так до июля месяца и дособирались. Родители уже были готовы на следующий год отложить этот поход, но их уговаривать стали да поторапливать.

В итоге поехало в Сибирь 18 семей. Обоз растянулся на 76 телег со скарбом, одеждой, зерном, инструментом. И оружие, конечно, при себе было. Ружей было маловато. Понаделали мужики пик, луков со стрелами, да и топоры с вилами всегда наготове были.

Дорога в Сибирь продлилась около года. Много людей не выдержало этого испытания и повернули вспять. Кто-то в битвах с разбойниками и уральскими казаками погиб. Дети от болезней и холода умирали. Зимовать-то, пришлось в степи. Где-то под Омском это было. Вырыли землянки, сложили печки глиняные и жили в них, как мыши в норе. Почти всё зерно в пути съели. Хлеб печь не получалось. Где дров в степи взять? Перекати-поле да жалкие кустарники шли в печь. Согреешься ли этим в сорокоградусный мороз?

Чуть растеплилось – снова в путь. О том, что попали на Алтай, переселенцы узнали от местных казахов в Кулунде. Они-то и присоветовали родителям идти на юг – в предгорья Алтая. Там, дескать, и земли побольше и властей поменьше.

Двинули на юг и, в конце апреля 1893 года оказались в окрестностях Белокурихи. Погу- тарили с местными, определились с землёй и местом под строительство и, первым делом, стали землю пахать да хлеб сеять.

Сначала для всех построили один большой барак, в котором ютились все вместе. Бабы по очереди варили еду на всех работников, стирали бельё, чинили одежду, занимались ого- родами. На детворе были рыбалка и охота силками да капканами. Были у переселенцев кое- какие деньжата, на которые купили они у жителей соседних сёл лошадей, коров, овец и птицу. К осени для каждой семьи уже были возведены хаты-пятистенки.

К Покрову каждая семья перебралась в свой дом и жизнь, казалось бы, стала налажи- ваться.

Суровый сибирский климат и каменистая почва предгорий Алтая посеяли рознь среди переселенцев. Кто-то хотел остаться здесь, кто-то предлагал перебраться в степные районы. Эти разногласия и привели к тому, что часть семей, бросив дома, перебралась поближе к Руб- цовску. Так и появилась на этом месте Самарка. В 1895 году наши родители вспахали здесь первую борозду и построили саманные дома на берегу Склюихи.

Зима была очень снежной. И весной Алей разлился так, что всю пойму Склюихи затопило по самые ушки. И дома – по самые крыши. Пришлось людям перебираться на бугор и строить себе новое жильё.

Ковановы построились как раз на том самом месте, где сейчас стоит мой дом. И Тришеч- кины рядом, забор в забор. Так и жили по соседству, помогая друг другу во всём.

В 1903 году у Ковановых родился сын. Нарекли его Федулom. А у Тришечкиных в 1905- м я родилась – твоя баба Нюра. Отцы наши погибли на германском фронте. А мамки наши сговорились да сосватали нас с Федулom в 1923 году. После этого моя мама уехала жить к своей двоюродной сестре в Шемонаиху, оставив меня на попечение молодого мужа.

В 1925 году родила я деда твоего – Ивана, а в 1930 – дочку Марию.

Как и все, вступили в колхоз. Хотя муж мой, Федул Павлович, хотел хозяйствовать само- стоятельно. Старики подсказали тогда: «Не шали, Федул! А то не сносить тебе головы!» Как в воду глядели. В 30-е годы местный уполномоченный Калина человек сорок, без суда и след- ствия, на тот свет отправил. Зверствовал страшно. Любому прохожему мог зубы выбить, бабу или ребёнка плёткой отхлестать. И, чуть что не так, за револьвер хватался. Особо жесток он был к тем, кто Богу молился. Врывался в дома, срывал иконы и устраивал из них костёр во дворе.

В 30-е годы в Самарку голод пригнал много народу с Украины и Поволжья. А перед самой войной немцев из Поволжья сюда пригнали. Что те, что другие – худющие. Кожа да кости. Голодные да напуганные. Покармливали, конечно. И на ноги встать помогали. Благо – земли много. Только не ленись. И в колхозе рабочие руки всегда нужны.

Потом началась война...

Но об этом тебе пускай дед расскажет. У него это лучше получится...»

Глава 2. «Ванькино детство»

Пилим с дедом дрова.

Много их на долгую сибирскую зиму надо. Рядом с козлами уже высоченная гора из берёзовых чурбаков лежит, а всё мало и мало.

У меня, тринадцатилетнего, уже и плечи ноют, и ноги стоять не хотят. А дед всё потягивает двуручную пилу на себя, да меня подгоняет: «Давай, Санька! Давай! К зиме нам с тобой хорошенько согреться надо. Чтобы до весны хватило».

Допилили, наконец-то, длинный кривой ствол. Дед объявляет: «Перекур!» и достаёт из кармана пару ирисок в замусоленных обёртках. «Это тебе от зайчика...» – приговаривает.

Улыбаясь деду в ответ, тяну: «Де-е-е-д, большой я уже...» Хотя в душе искренне радуюсь этому гостинцу из кармана старенькой фуфайки.

Этот карман был как шляпа фокусника в цирке. Чего только из него не появлялось! И пряники, и конфеты, и... Однажды даже маленький щенок появился, который стал Шариком и прожил в нашей семье семнадцать лет.

Дед садится на пенёк, достаёт из кармана пачку «Беломора» и, привычно смяв гильзу, закуривает, с наслаждением пуская клубы сизого дыма.

– Деда, а ты маленьким был?

– Конечно, был! – удивляется дед.

– А каким ты был?

– Да, таким же как ты, Санька. Только чуток поменьше.

– Почему поменьше?

– Время тогда не больно сытное было. Да, к тому же, в мать пошёл – маленький да худенький. Отец мой здоровый был. Настоящий богатырь. А мама – как курочка. Вот, я посередке между ними и получился.

– Деда, а каким ты в детстве был?

– Ты уже спрашивал.

– Не-е-е... Как ты жил в детстве?

– Обычно жил. Как все мальчишки. С шести лет отец меня уже «мужиком» стал называть и велел матери по хозяйству помогать. Манька-то, ещё маленькая была.

– Да и ты маленький был! Какой из тебя помощник?

– Ишь, ты! Это сейчас вы в шесть лет в детский сад ходите. А я в свои шесть в магазин за хлебом с запиской ходил. За цыплятами присматривал, козам воду из бочки своим ведёрком наливал, мамке помогал огород полоть. Ну и Маньку нянчил.

– Ух, ты! А гулять тебя отпускали? С мальчишками играть?

– Отец строгим был. С утра даст задание, а сам на работу уходит. На колхозную конюшню. Задание надо выполнить. А не выполнишь – хворостиной по заднице прогуляется. Или уши надерёт.

– Деда, а в школе ты хорошо учился?

– Хорошо. Отец меня в пять лет начал учить чтению и счёту. Так что, не побоюсь этого слова, в школе я был среди первых учеников. Да и учёба мне легко давалась. Верил я, что грамотные люди сделают жизнь в стране лучше.

– А какие предметы тебе нравились?

– Арифметика, литература, география, биология и физика. Пожалуй эти. Но и в других я не отставал. Стыдно было перед отцом «тройки» домой приносить.

Увидев, как я потупил взгляд, вспоминая свои «тройки» и «пары», дед потрепал меня по голове и продолжил рассказ.

– Особенно хорошо мне давались арифметика, черчение и немецкий. Не буду хвастаться, но «пятёрка» по немецкому была у меня одного. Учительница была хорошая. Она говорила мне: «Иван, тебе обязательно надо быть переводчиком». А я хотел быть...

Знала бы она, как мне этот немецкий пригодится на войне...

– Деда, а кем ты хотел быть?

– Твоим дедом... – засмеялся он в ответ.

– Ну, деда! Я же серьёзно спрашиваю! Ты куда после десятого класса хотел поступать?

– Не было тогда десятого класса, Санька. Закончил я семилетку. На одни «четвёрки» и «пятёрки» закончил.

– А потом?

– А потом пошёл в колхоз работать. К отцу в помощники. На уборке помощником комбайнёра был. Летом коров пас. Много работы было.

– А потом?

– А потом началась война...

– Деда, расскажи! Ну, пожалуйста!

– Потом... Потом, как-нибудь. Давай-ка, ещё часок с дровами повоюем, и – в баню.

Глава 3. «Сулико»

Дед не любил рассказывать о войне. Несмотря на то, что его часто приглашали в школу на классные часы. Несмотря на то, что он был председателем совета ветеранов Рубцовского района.

Конечно, он что-то рассказывал. Но это были привычные слова о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны, похожие на уроки истории. Краткие, лаконичные, без упоминания о личном участии в боях. Знал я только что дед воевал на 4-м Украинском фронте, был обыкновенным пехотинцем и связистом. Разговорить деда мне никак не удалось.

Скромным человеком был дедушка. Старый пиджак с медалями надевал только 9 мая, когда в Самарке проходил торжественный митинг у памятника погибшим односельчанам.

Когда Великой Победе исполнилось XXX лет, дед прочитал на митинге свою поэму. Огромный поэтический труд на 96 листах, напечатанных на машинке. Он сумел рассказать в стихах о каждом односельчанине, прошедшем войну. О живых и павших. Не забыл никого.

У памятника стоял вой... Пожилые женщины теряли сознание. И сам дед после этого митинга свалился на неделю с сердечным приступом.

К сожалению, мои родственники не сохранили поэму. Жалею об этом всю жизнь. Почему не взял себе? Почему не переписал? Почему не сохранил?

В памяти осталось только самое начало:

Июнь. Воскресенье. Все спали.
Шумели листочки в саду.
А утром фашисты напали
На нас в сорок первом году.

От Белого моря до юга —
Любимая наша страна.
Шумела свинцовая вьюга.
Итак, начиналась война...

Будучи председателем совета ветеранов, он стучался во властные двери и добивался для ветеранов всего, что положено. Всё для людей. Для себя ничего. Вот таким человеком был мой дед.

Первый раз дед заговорил со мной о войне, когда мне было уже семнадцать лет.

Я проснулся душной летней ночью от того, что слышал плач. Это были глубокие всхлипы, переходящие в «Ъыыыы...»

Я вскочил с кровати, прислушался и понял, что плач доносится с крыльца.

С колотящимся сердцем я выскочил из дома и увидел деда. Он, ссутулившись, сидел на ступеньках, затягивался папиросой и выдыхал: «Ъыыыы...»

– Дед! Дедушка! Что случилось?! Сердце?!

– Ъыыыы!!! Ничего, Санька! Ничего! Война приснилась... Сулико...

– Какая Сулико?

– Грузин со мной служил... – начал рассказывать дед, вытирая слёзы – Сванидзе. Весельчак был и балагур. Всё время пел. А тут... Освободили мы село на Украине. На сутки встали на отдых и перегруппировку. Рано утром проснулись, стали собираться потихоньку.

А тут... Мина... Откуда она, зараза, прилетела? Грузин из хаты выходил, а она... Прямо перед крыльцом: «Бабах!!!» Никого не тронули осколки, только ему живот разворотило. Сидит он на крыльце, кишки свои на колени собирает... Ыъыы! И, вдруг, запел... Запел, Санька! Понимаешь, запел! «Где же ты моя Сулико?..»

Приснился он мне. Как живой приснился. И хата, и мина, и «Сулико»...

– Деда, не надо! Успокойся, деда! Давай, таблетку принесу?

– Не надо, Санька. Всё! Успокоился. Не надо.

Проговорили мы с дедом тогда часа три, до самого рассвета. В это раннее утро я узнал деда с другой стороны. Я увидел в нём солдата, вернувшегося с войны. Я понял, что дед просто берёт меня от этих рассказов. Тогда он сказал мне: «Слава Богу, Санька, что моя война была последней на Земле. Больше войны не будет. Я за всех вас отвоевал».

В это же утро мы договорились с ним о том, что он, по возможности, начнёт записывать свои воспоминания. Я уговорил его, чтобы он писал для нас – его детей и внуков. И пообещал: «Вырасту – издам твои мемуары».

Со времени этого разговора прошло тридцать шесть лет. Пришло время выполнить своё обещание.

Глава 4. «Вставай, страна огромная...»

О том, как Самарка встретила известие о начале войны дедушка рассказал мне как-то вечером. Весь день стояла страшная духота. А к вечеру небо заполнили грозовые тучи, поднялся сильный ветер и загрохотало. Шквалистый топот ливня по железной крыше перемежался раскатами грома, похожего на артиллерийскую канонаду.

В доме потух свет...

Пока я спешно закрывал форточки, путаясь в развевающихся занавесках, дед принёс с веранды керосиновую лампу, зажёт её и поставил на кухонный стол.

– Та-а-а-к... – недовольно пробурчал он – Прополка на завтра откладывается. На огороде, пожалуй, ногу не вытащишь. Спать ещё рано, значит будем сказки друг дружке рассказывать.

– Вот ещё! – возразила бабушка – Девять почти. Вы как хотите, а я на боковую. Чего глаза таращить? Все равно до утра света не будет.

Бабушка ушла в свою комнату, а мы остались на кухне. Отдёрнув занавеску, дед приоткрыл форточку и закурил.

– Деда, а ты начал свои воспоминания записывать?

– Пишу потихоньку, – ответил он, выдохнув сизый дым, – Ты не торопи меня. Тут спешить нельзя. Столько времени прошло... Хочется записать так, чтобы потом не чиркать и не переписывать. Основательно здесь надо.

– А почитать можно?

– Погоди, Санька. Как будет можно, я скажу.

– Деда, а ты же в двадцать пятом родился. А на войну в сорок втором пошёл. Это что же? С шестнадцати лет на фронт брали?

– Нет, конечно. Как положено по закону, с восемнадцати. Только я схитрил маленько.

– Как это?

– Расскажу, расскажу. Не переживай.

– А сейчас можно? Все равно не спим.

– Вот пристал как банный лист! Чайку организуешь – расскажу.

Я пулей вылетел на веранду, разжёл газовую плиту, поставил чайник и вышел на крыльцо. Дождь пошёл на убыль. Гром рокотал уже где-то вдалеке после того, как небо ярко рассекала молния.

Вернувшись на кухню, я увидел, что дед продолжал курить, глубоко погружившись в себя. Будто не было его рядом. Будто вернулся он в тот роковой день – 22 июня 1941 года.

Глубоко вздохнув, дед начал свой рассказ.

– Ждали мы эту войну. Хоть и по радио говорили, что войны не будет. И в газетах об этом писали. Ждали. Тревожно было. Мы-то, мальчишки, мало что соображали, но уже слышали о том, что наши воевали с фашистами в Испании. И из газет было понятно, что Гитлер продвигает свои войска всё ближе и ближе к нашим границам.

Отец с весны хмуриться стал. Мы с Манькой встретим его с работы, обнимем. А он прижмёт нас к себе, гладит по головам и шепчет: «Воробушки вы мои. Ничего... Ничего, вы у меня уже большие».

Вечером нас спать уложат, а сами с матерью шушукуются за столом. Манька спит, а я расслышать стараюсь о чём они говорят. Мама иногда плакала. И молились они вдвоём, затеплив лампаду, до тех пор, пока я не засыпал.

Днём я замечал, как отец перебирает одежду. Сапоги взялся ремонтировать. Да по дому работать взялся так, будто торопился куда.

Утром 22 июня мы всей семьёй в огород выбрались. Кто полоть, кто – грядки поливать. Отец как-то странно весел был. Подбадривал нас шутками-прибаутками, посмеивался над матерью. А мы были рады стараться. Дёртали в картофельных рядах лебеду, да в кучки складывали. Отец подхватывал эти кучки вилами и укладывал сорняки вдоль забора.

Ближе к полудню отца окликнул кто-то из соседей. Он ушёл с огорода и вскоре вернулся назад. Лица на нём не было. «Ну, вот и всё...» – выдохнул отец, – «Бросайте работу и айда до конторы радио слушать. Война».

Мать заголосила, но он тут же прикрикнул на неё и отправил нас мыть руки в бочке с дождевой водой. Подперев входную дверь веником, отец скомандовал: «Вперёд!»

Я слушал деда, затаив дыхание. А он курил одну папиросу за другой.

– У конторы уже собралось почти всё село. Женщины плакали, мужики нервно курили. Дети сустились среди взрослых не понимая, что происходит. Было страшно. Угрюмые лица, слёзы... Знаешь, Санька, эти минуты ожидания и безызначности показались мне тогда вечностью.

В полдень в репродукторе что-то потрескало, зашипело и мы услышали голос Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас...»

Мёртвая тишина стояла над селом. Будто война уже пришла сюда, в Самарку. Казалось, люди окаменели от этого известия.

– Деда, а твоего отца сразу забрали на фронт?

– Нет, Санька. Он ушёл на фронт в декабре 41-го. Но уже после выступления Молотова уполномоченный из Рубцовки стал составлять мобилизационные списки. Из конторы вытащили несколько столов, усадили за них писарей, которые стали записывать всех, кто подходил по призывному возрасту.

Отец отправил нас домой, а сам остался. Я, было, хотел тоже остаться, но он прикрикнул на меня: «Ванька! А, ну-ка, марш огород допалывать! Уйду воевать – ты за хозяина в доме останешься!»

Всю дорогу домой я думал о словах отца. Не верилось, что началась война. Не верилось, что вскоре отец уйдёт и мы больше никогда его не увидим. Не верилось...

– Деда, а как ты на фронт попал. Расскажи, пожалуйста!

– Отец ушёл в декабре, успев переделать все мужицкие дела. И картошку мы выкопали, и муку по трудодням получили, и сено на зиму заготовили. Да, кстати, уже с 1 июля я вышел на работу. Отцу в помощники на конюшню. А, как ушёл он на фронт, я начальником стал.

– В шестнадцать лет?!

– Семнадцатый мне тогда уже шёл. Мужики-конюхи приняли это как должное. Не смеялись надо мной, не подтрунивали. Знали, что я парень грамотный. Справлюсь.

Отец уехал рано утром. Мы с Манькой спали и даже не слышали этого. Мать рассказывала, что он не велел нас будить. Долго сидел у кровати, смотрел на нас. А потом поцеловал тихонько, обнял мать и сказал: «Ну, всё. Прощайте, если что. Даст Бог, скоро свидимся...» И ушёл...

Конечно, я тоже хотел идти бить фашистов. Как-то ездил в Рубцовку за новой сбруей, да заглянул в военкомат. Протягиваю метрики и говорю: «Хочу на фронт!» Офицер глянул в документы и говорит: «Так, Кованов. Год рождения – 1923. Ой, нет! 1925! Это кто тебе так коряво документы заполнял? Мал ещё! Ступай работать! Помощь фронту и здесь нужна! Ступай!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.